

Алексей Варламов

Автозаводская

*Часть сборника
Москва: место встречи
(сборник)*

Алексей Варламов

Автозаводская

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Варламов А. Н.

Автозаводская / А. Н. Варламов — «АСТ», 2016

«...Москва – странный город, в каких-то местах бываешь тысячи раз и знаешь всё, где-то не бывал никогда и вряд ли будешь, но Автозаводская так и оставалась в стороне. Когда я ехал на метро в Домодедово, чтобы улететь куда-нибудь еще по карте Родины, и проезжал мимо Автозаводской, сердце мое вздрагивало, но мысли о предстоящем полете были сильнее. Я оказался там спустя некоторое время по очень странному поводу...»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Варламов А. Н., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

1	5
2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Алексей Варламов

Автозаводская

1

Свет фар проезжающей под окном первого этажа машины, бурый снег, сухая земля, дым заводских труб, низкое небо, бетонные заборы, рюмочные, пивнушки, запах хлорки, пара, какой-то особой сырости, проходные дворы, мощные сталинские дома по обе стороны чахлого сквера, редкое солнце, райком партии с красным флагом, доска почета, памятник павшим, маленькие троллейбусы с отрывными билетиками за четыре копейки, мороженое-рожок в киоске около метро и недостижимая мечта о перочинном ножике в табачном ларьке – Автозаводская, улица моего детства, место первых тринадцати лет жизни. До Кремля отсюда по прямой – километров десять, а то и меньше, на метро – три остановки, а кажется – другой город, другой мир, не Москва, не столица, а индустриальный анклав, рабочий поселок, промзона.

От Автозаводской расходятся в разные стороны улицы поменьше, переулки, проулки, мосты, проезды, путепроводы – Велозаводская, Мастеркова, Ленинская слобода, Кожуховская.... Район не зря называется Пролетарским – там много заводов: «Динамо», «АЗЛК», «ЗИЛ», «Шинный», «Шарикоподшипниковый» – долгое и странное слово, смысл которого я никогда не мог в детстве понять. Наш дом находился возле ЗИЛа, рядом проходила окружная железная дорога, время от времени гудела по ночам и выбрасывала клубы горячего пара огромная ТЭЦ, питавшая весь район, и тогда папа куда-то звонил, ругался и требовал, чтобы ТЭЦ замолчала. Она и в самом деле затихала, то ли испугавшись папы, то ли по собственным нуждам, а я лежал в кровати, боялся темноты и думал о папином всеисилии. Шум мне не мешал, я его не замечал, как не замечал отравленного воздуха, архитектурного несообразия, неудобства, а просто жил и не понимал, чем мой район хуже других, да и был ли он хуже? Но почему-то никто не стремился в нем жить, скорее, уехать оттуда, и когда позднее мама пыталась поменять квартиру, обменники, услышав слово «Автозаводская», теряли интерес.

Моя семья поселилась здесь за десять лет до войны. Дедушка по материнской линии, красавец, женолюб, потомственный адвокат, представитель старинного дворянского рода, занесенного в родословные книги и упоминаемого в энциклопедии Брокгауза и Эфрона, из-за своего происхождения с большим трудом поступивший в начале двадцатых годов в университет, сумел получить работу юрисконсульта на заводе «Динамо», а заодно и комнату в коммунальной квартире на Автозаводской улице. Это случилось в тот не очень долгий период жизни, когда моя бабушка, внучка богатейшего тверского купца Коняева, была ему женой и родила троих детей: двух сыновей – моих дядьев – и дочку – мою маму. Вскоре дедушка ушел к другой женщине, а комната осталась, и бабушка там жила с тремя детьми. Дед ее навещал, но приходя в гости, в самые лихие советские времена, в самом рабочем районе Москвы, не забывал напоминать брошенной жене, из какого рода она, а из какого – он. Впрочем, детей благоразумно воспитывали на советский манер, и они выучились, сделали хорошую карьеру, вступили в партию, не догадываясь о том, кем были их предки и каким состоянием владели до революции, что потеряли и как чудом уцелели их недружные родители – это открылось в сравнительно поздние времена.

Когда дети выросли и сами женились, на двадцати метрах жили три семьи: два моих дядюшки с женами и мама с отцом. По семейной легенде, одна из супружеских пар спала на балконе в палатке, другая на полу, третья на диване, а детей укладывали в чемоданы. Потом разъехались, но часто встречались, садились за щедрый бабушкин стол с домашними наливками и закусками, хмелели, пускались в воспоминания, и я рос среди этих рассказов, преда-

ний, историй про деда и его жен, про соседей, ближнюю и дальнюю родню, про войну, про Алтай, куда бабушка ездила с детьми в эвакуацию, а потом не могла вернуться в комнату, занятую другими жильцами, но поселилась в коридоре и по суду добилась, чтобы ей вернули законную жилплощадь, – адвокатом выступал бывший супруг, вложивший в свою речь всё наследственное мастерство. Бабушка вспоминала всякий раз новые подробности, и, наверное, тогда я впервые ощутил потребность их записать, а Автозаводская стала основной сценой этих магических рассказов, и в пролетарских декорациях я учился навыкам человеческой жизни и нащупывал будущую судьбу.

Мое рождение разрубило гордиев узел семейной тесноты: благодаря щедрым социалистическим законам родители получили в одном из соседних домов двухкомнатную квартиру на первом этаже. Она казалась такой огромной, что бабушка носила меня на руках и показывала нашу отдельную кухню, первую в ее взрослой жизни, ванную, коридор, свою комнату, комнату родителей и подносила меня к окошку: из него был виден переулок, двор и странное сооружение, похожее на будку, – это путешествие по квартире есть первое воспоминание моей жизни, и оно так отчетливо, как будто случилось сегодня утром, а вот который час в таком случае у меня теперь – не знаю. Но воспоминания об Автозаводской и ушедших людях настраивают на философский лад...

2

Наискосок от нашего четырехэтажного дома находился крытый бассейн и похожие на средневековый готический замок знаменитые Тюфелевские бани, дивный памятник советского конструктивизма. В бани ходили всем районом, покуда в жилые дома не провели горячую воду, и мама рассказывала, что после войны там давали огромную ценность – кусочек мыла, которым надо было и помыться, и постирать, и домой унести обмылок. А бассейн был первый в советской Москве, и по этой причине попасть в него было невозможно. Однако у маминной одноклассницы там работала уборщицей ее мама, и девочек иногда пускали поплавать ночью. Так мама научилась в бассейне плавать и впоследствии хотела, чтобы я тоже научился, но ничего из ее затеи не вышло. Когда молодой нетерпеливый тренер увидел, что один из мальчишек не отрывает ноги от дна, а, согнувшись, идет пешком по лягушатнику, он расสวิрепел:

– Ляг и почувствуй воду! Вода сама тебя держит. Люди тонут, потому что не знают, что умеют плавать.

Но я не верил ему. И тогда он бросил меня в бассейн для взрослых на глубину четыре с половиной метра, где плавали глухонемые.

– Плыви! Все люди умеют плавать!

Вопреки ожиданиям я не поплыл, а стал захлебываться и тонуть. Тренер пихал мне шест и на меня орал, глухонемые отчаянно жестикулировали, а я никак не мог за шест ухватиться и шел ко дну. Тренеру ничего не оставалось, как прямо в одежде за мной нырнуть, а потом делать искусственное дыхание, и после этого родители от меня отстали, однако острое ощущение воды как угрозы во мне поселилось, мешаясь с нежностью и сочувствием. Я понял, чего я не хочу, не могу вынести – насилия над водой и над человеком, который в ней оказался. Позднее я написал об этом небольшой и очень странный для самого себя рассказ «Все люди умеют плавать», используя единственную привилегию пишущего человека – обращать свои неудачи в слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.